

Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности

Л.Г. БЫЗОВ

В современной России завершается очередной виток глубинной социокультурной трансформации. Это проявляется как в определенной ценностной унификации, так и в усилении неоконсервативных тенденций в менталитете россиян. Однако генезис и долгосрочные последствия этого процесса полностью не ясны. Результаты исследования, выполненного в рамках проекта «Томская инициатива» в 2001 г., позволяют сделать некоторые выводы о соотношении традиционных и нетрадиционных составляющих «неконсервативной волны». Показывается, что процесс разрушения традиционного сознания носит необратимый характер, традиционные ценности присутствуют, главным образом, лишь на «парадном» уровне, наблюдается демифологизация и рационализация массового сознания.

1. Цели и задачи исследования

Одной из основных задач, которые ставил перед собой исследовательский коллектив проекта «Томская инициатива», являлось выявление точек роста для формирования так называемой «*новой субъектности*». Пройдена ли крайняя точка социального и национального распада в современной России? Возможна ли регенерация традиционных ценностей российского общества, вокруг которых интегрировалось на протяжении веков национальное самосознание? Насколько глубоки модернизационные ростки в трансформации ментальности россиян? Вокруг каких ценностей и мифов можно сплотить общество?

Действительно, переживаемый российским обществом кризис является, в первую очередь, *кризисом субъектности*, во многом обусловленным процессом «запаздывающей» или «догоняющей» модернизации 1990-х годов. В результате неорганичности процессов модернизации внутренний социально-культурный конфликт между группами, ориентированными на идеологию догоняющей модернизации, и группами, предпочитающими традиционалистские ценности, на каком-то этапе стал доминировать над осознанием исторической общности. Внутренние этнические связи оказались слишком слабы, чтобы на руинах суперэтнической империи смогло сформироваться полноценное национальное государство. В результате за более чем десять лет попыток догоняющей

модернизации страна не могла породить адекватных национальных лидеров, выработать общенациональную идеологию, сформировать значимых политических субъектов.

Налицо отсутствие или недостаточность мотивации для исторического цивилизационного творчества, предполагающей идентичность с глобальной общностью (этнос, суперэтнос) и мобилизационную компоненту (жертвование текущими интересами ради стратегических). Наблюдается этническая усталость, потеря энергии, неспособность ни выдвинуть адекватных политических лидеров, ни консолидироваться вокруг значимых общественных целей. Современное российское общество напоминает рассыпающийся песок, из которого не удастся создать устойчивые социальные конструкции, а сами элементы общества, попадая сейчас или в перспективе в зону притяжения иных цивилизационных ядер, неизбежно теряют собственную идентичность. «В нынешней российской ситуации ведущим звеном рационализации действительности оказывается моральное сознание, сопряженное с чувством ответственности каждого за положение дел в стране, ибо маятник индивидуализации личной ответственности достиг опасного предела» [*Здравомыслов* 1999, с. 66]. Социологи отмечают, что «в нынешних условиях люди значительно чаще отмечают свою принадлежность к "малой" родине, чем к "большой", то есть в определенном смысле идентифицируются скорее с локальной, чем с социетальной общностью» [*Левада* 2000, с. 422]. В той же работе Ю. Левада отмечает, что «навязчивый общественно значимый страх утраты социальной, национальной, личностной идентичности — характерный показатель общественного кризиса» [*Левада* 2000, с. 424].

Фактически в качестве основной признают проблему субъектности участники методологического семинара А. Ахиезера «Социокультурные методы исследования российского общества». Научная школа А. Ахиезера и И. Яковенко в своих многочисленных работах выдвигает концепцию исторического развития России, согласно которой безсубъектность имманентно присуща российскому обществу во все периоды его существования, а низовая социальная стихия всегда противостояла любым попыткам формирования государственности, насаждаемой исключительно сверху. «Слабость институционального творчества — результат несоответствия между мощью архаики и государством». [*Ахиезер, Давыдов, Шуровский, Яковенко, Яркова* 2002]. Между тем, по мнению этой группы авторов, именно рост способности формировать институты, по сути, и составляет сердцевину прогресса общества. Идеологически близкий школе А. Ахиезера социолог К. Костюк также объясняет неудачи очередной попытки модернизации именно давлением архаического пласта менталитета и социальных отношений. «Переплетение старого и нового, традиции и новаций в социальной органике российского общества столь многообразно и сложно, что не позволяет применять стандартные модернизационные концепции к России» [*Костюк*].

На наш взгляд, корни сегодняшней российской безсубъектности в большой степени лежат в минувших эпохах, но не в глубинах традиционализма, а, напротив, в процессе форсированного разрушения традиционного общества в первой половине XX века. Распад традиционного общества породил специфический феномен «советского традиционализма», поглотившего собой иные традиционалистские структуры и мифы. Феномен «советского фундаментализма», столь явно проявившийся в 20—50-е гг. XX века, во многом происходит из недр крестьянского традиционного общества, находившегося в течение длительного

Социокультурная трансформация российского общества...

времени на положении «особой» страты с минимальной вертикальной мобильностью и своеобразной религиозностью, во многом противоречащей секуляристским тенденциям России последних веков.

С распадом советского фундаменталистского общества (черты распада стали появляться в 1950—60-е гг., а в 1970-е советское общество практически утратило фундаменталистские черты) произошел и фактический этнический распад, утрата общенациональной субъектности. Догоняющая модернизация в качестве официальной идеологии 1990-х гг. сделала ситуацию еще более драматической, в ее ходе «социально поощряемой» моделью поведения (в модернизационных сегментах общества) стала установка на крайнюю индивидуализацию жизненных алгоритмов, на «спасение с тонущего корабля» российской субъектности в одиночку. Однако «неоконсервативная революция» в российском обществе, произошедшая в 1998—2000 гг., существенно изменила вектор общественного запроса и основные парадигмы массового сознания. Продолжавшаяся пятнадцать лет революционная эпоха, скорее всего, заканчивается. В России устанавливается постпереходный режим политической власти. Пережив глубокую «ломку», связанную с попытками форсированной модернизации по «догоняющему» типу, общество на уровне ценностей адаптировало перемены к своей социально-исторической «органике». Возрождается традиционная «русская власть» со своей традиционной социальной базой и традиционными политическими приоритетами [Вызов 2001]. Сформировалось очевидное ядро новой «партии порядка», которое при благоприятных условиях может стать «точкой роста» для новой субъектности, возможно даже нового этногенеза. «На каком ценностном фундаменте будет возводиться цивилизационное тело новой России? ... Такой идеей может стать в России просвещенный консерватизм, либеральный патриотизм...» [Архангельский 2001]. Связанная с этой идеей неоконсервативная идеология «адресуется активному меньшинству и содержит рациональное и прагматическое обоснование модернизации и постмодернизации, мобилизующей силы для обновления общества» [Зарубина 2001, с.129]. Вместе с тем неоконсервативная волна является продуктом модернизации. «В советский и постсоветский период в народном сознании произошел коренной сдвиг, проявившийся в отторжении большинством россиян традиционных представлений о самобытности России, противопоставляющих ее западной цивилизации» [Клямкин, Кутковец 2000, с. 176].

Однако разорванность традиции неизбежно компенсируется усилением архаики в социальных отношениях. И «неоконсервативная волна» в современной России во многом воспроизводит архаику, в том числе дохристианскую. По мнению уже цитировавшегося исследователя, «архаика появляется в современном обществе только вследствие неспособности выполнять традицией свои функции, вследствие вытеснения традиции в ходе модернизации. В этом смысле архаика — законное дитя модернизации, правда, неорганической...» [Костюк].

Можно с большой долей уверенности утверждать следующее:

1. Субъектность, связанная с мифами и ценностями советского традиционализма, является отмирающей, что исключает регенерацию коммунистического фундаментализма в какой бы то ни было форме.
2. Досоветский традиционализм также не регенерируем, поскольку в свое время был практически полностью «переварен» советским традиционализмом,

что исключает в России собственно консервативную революцию с восстановлением субъектности досоветского патриархально-православного строя.

3. Единственной реальностью в современной России является «неоконсервативная революция», однако глубина ее перспектив и уровень формируемой ею социальной субъектности остаются неясными. Фиксируется формирование базовой системы ценностей, основанной на совмещении идей прогресса и социальности (в отличие от анархо-индивидуалистического модерна периода догоняющей модернизации), однако мотивационный потенциал данной системы ценностей требует тщательного изучения.
4. Состояние российского этноса, характерное для 1980—90-х гг., может не позволить ему в ближайшем и отдаленном будущем адекватно ответить на геополитические, цивилизационные и демографические вызовы. Все это делает крайне актуальной задачу объективного анализа происходящего этнического распада или, напротив, этногенеза.

Все это предполагает два ключевых направления анализа нынешнего состояния социокультурной составляющей российского общества — проблему целостности *социокультурного кода* нации, с одной стороны, и проблему связанной с этим *субъектности*, то есть способности общества или его сегментов к действиям мобилизационного типа, с другой стороны.

В чем проявляется размытость, разорванность современной российской нации, размытость ее этнической, культурной, общегражданской и исторической идентичности? Можно предположить наличие следующих тенденций:

- «Слабая» этничность современных русских, которые плохо консолидируются на этнокультурной основе, легко теряют свой культурный генотип в условиях иной этнокультурной среды (особенно на «Западе»). Сравнение этнокультурных характеристик русской диаспоры на «Западе» и на «Востоке» заставляют предположить, что в первом случае русская идентичность размывается при однократной смене поколения, а во втором случае — сохраняется продолжительный период. Это означает, что «экспансия с Востока» угрожает территориальной целостности России, но не русской идентичности, а «экспансия с Запада», — соответственно, наоборот.
- Разрыв с «традиционной составляющей». По мнению ряда культурологов, в период после форсированного распада традиционного общества в России наблюдаются элементы нового этнокультурного генезиса нации, причем вокруг новых, нетрадиционных культурных доминант.
- «Субэтничность» современных русских, связанная, в первую очередь, с поселенческим фактором («культура мегаполисов»), так и с формированием новых центров этнокультурного тяготения, помимо традиционных (регионализация этноса).
- Другим проявлением «субэтничности» является существование альтернативных этнокультурных характеристик у определенной части русской диаспоры, в том числе у компактных групп русских мигрантов в России, с типичной мотивацией «малой группы».
- Процесс разложения базового этноса привел к появлению в обществе устойчивых групп, выделяющихся на основе приверженности тем или иным мифологическим конструкциям. В превращенном виде эти мифы в значительной степени определяют идейно-политическую сегментацию современного российского общества.

Социокультурная трансформация российского общества...

- Частичный распад исторически сформировавшегося суперэтноса с русским ядром и выстроенными взаимоотношениями с иными этническими группами, что связано с глубинной переоценкой этнических ролей и стереотипов внутри нового суперэтноса.
- Деформация цивилизационной компоненты идентичности, переоценка роли и значимости русского этноса в новом мировом («глобальном») процессе.
- Происходящее на рыхлом этнокультурном фоне социальное расслоение усиливает распад общества за счет формирования «культуры бедных» и «культуры богатых», порождает образ «внутреннего врага».
- Хаотическая трансформация социальной структуры привела к размыванию социальной и профессиональной идентичности, внедрению «достижительных» мотиваций, не свойственных соответствующим социальным группам.
- Наблюдается также поколенческий разрыв, в частности, иные этнокультурные характеристики у части молодежи, социально сформировавшейся в 1990-е гг.
- Все это ведет к атомизации общества, развитию локальной идентичности за счет глобальной.

Целью исследования являлся анализ процессов распада и консолидации российского общества, выявление устойчивых этнических, мифологических, культурных и социальных конструкций, способных обеспечить целостное функционирование общества, его единую идентичность (на ценностном уровне) и единую субъектность (на уровне социального действия, особенно действия мобилизационного типа). **Объектом исследования** являлись большие и малые группы российского общества, для которых представляется характерным этнокультурное, ценностное и мобилизационное своеобразие.

Среди содержательных характеристик, определяющих специфические особенности перечисленных групп, выделяются *вербальные этнокультурные доминанты*, связанные со спецификой группового сознания, и *социальные нормы*, определяющие социальное состояние группы. Так, содержательными характеристиками, определяющими **«социокультурный код»** отдельных групп общества, являются *базовые ценности, носящие универсальный характер; нормы и установки*, которые представляют собой «поле стереотипов» в рамках сформированного набора социометрических шкал, содержащих отношение к основным социально-политическим мифам, культуре, религии, традиционализму, бытовой морали и т. п. К числу характеристик, также включаемых в понятие социокультурного кода, относятся следующие.

- *Образ внутреннего и внешнего врага.* К числу потенциальных «внутренних врагов» относятся отдельные социальные группы, политические персонажи и субъекты внутриполитической жизни, представители иноэтнических групп, а к числу «внешних врагов» — страны, народы, цивилизации, субъекты мировой политики.
- *Исторические ценности.* Включают в себя эмоциональное отношение к политикам прошлого и прошедшим эпохам, ассоциации с политиками нынешней эпохи.
- *Современные политические ориентации.* Соотнесение себя и своей группы с одним из пяти ведущих типов политического сознания; отношение к основным знаковым событиям современного периода и к ведущим политическим персонажам.

- *Конструкция «Я и Мир».* Самооценка степени и характера включенности индивида в большую и локальную социальную общность (страна, суперэтнос, этнос, социальный слой, конфессиональная общность, региональная общность, коллектив, семья).
- *Наличие групповых сверхценностей* — системы ценностей, связанной с мобилизационной мотивацией.
- Групповое представление о «достижительной модели» или «алгоритме успеха».
- Основные характеристики социальной мобильности, как вертикальной, так и горизонтальной.
- Комплексная оценка самореализации, индивидуальной и групповой.
- Оценка и качественные характеристики социальной, экономической и политической активности; степень включенности в соответствующие общественные процессы.
- Оценка энергетики группы — социальной и этнической, ее мобилизационного потенциала.
- Оценка консолидированности группы, способности ее членов к консолидированным действиям и взаимной поддержке.
- Групповые моральные нормы и способность группы к их реализации.

2. Базовая типология социально-политических установок*

Главной целью *первого этапа анализа* являлось построение эффективной типологии опрошенных томичан на основе ценностного (установочного) блока вопросов. В Прил. 1 приведен полный список базовых социально-политических установок, на основе которого строилась типология.

Следует отметить, что сам набор шкал формировался в определенной степени произвольно в расчете на то, что с помощью факторного анализа число значимых переменных будет сокращено и упорядочено. Главным критерием «работы» той или иной шкалы являлась ее способность «разделить» общество примерно на сопоставимые по численности группы (различающиеся не на порядок), а также включенность в общую логику анализа. С помощью факторного анализа с вращением была получена компонентная матрица. Наибольшая корреляция с первой главной компонентой характерна для тех установок, которые отражают основное деление общества в 1990-е гг. на «современную» или «прогрессивную» часть общества, с одной стороны, и «традиционную» или «реакционную» — с другой. Эту компоненту мы интерпретировали как ***ось «консерваторы — прогрессисты».***

* Междисциплинарное исследование «Томская инициатива» проведено в течение второй половины 2001 г. в Томской области по репрезентативной для области выборке (силами Социологической лаборатории ТГУ, рук. А. Ходонов). В настоящей статье использованы результаты двух подпроектов — «Ценности, установки и социальные стратегии» (август, 3000 опрошенных) и «Мифы в современном контексте» (ноябрь, 1500 опрошенных). Исследование рассматривалось спонсорами (администрация Томской области, кампания «ЮКОС») и разработчиками как как пробный срез, позволяющий сформулировать основные гипотезы и апробировать методику.

Социокультурная трансформация российского общества...

Данная ось имеет в современной России с начала 1990-х гг. доминирующее значение. Так, согласно исследованиям В. Рукавишникова, «первая ось — суть измерение пространства, упорядочивающее социально-культурные типы или группы по характеру их идеологических ориентаций и отношению к происходящим социальным переменам. Глядя на расположение различных групп респондентов на плоскости, координаты в которой задаются двумя первыми компонентами, можно сделать заключение, что в 1991—96 гг. у одного (условно-правого) полюса оси расположились сторонники стабильности, порядка и равенства, а ближе к другому — сторонники перемен и свободы. Справа от центральной точки на этой оси расположены группы людей с ориентацией на традиционные русские и коллективистские ценности, левые и коммунисты, избиратели левых партий. Вблизи и вокруг центра — национал-патриотический электорат. Слева — группы с либеральными установками, с демократическими взглядами, индивидуалисты, антикоммунисты, избиратели, поддерживающие на выборах правые и право-центристские партии. Данный фактор может быть назван «рационально-идеологическим», поскольку он указывает на ценности — идеологические, политические и традиционные — и на рациональные соображения, детерминирующие до некоторой степени различное отношение разных типов россиян к социальным переменам» [Рукавишников, Халман, Эстер 1998, с. 257].

Г. Сатаров в рамках исследования 1991—92 гг. выделял следующие типы политического (ценностного) сознания: «консервативная оппозиция», «псевдорыночная оппозиция», «социальные консерваторы», «умеренные либералы», «романтические или радикальные либералы» [Идеологические предпочтения 2000]. Оба автора фактически признают, что в рамках данной оси размещались все основные различия в идейно-политических ориентациях российского общества того периода (Г. Сатаров использует идеологическую терминологию для обозначения полученных типов, тогда как В. Рукавишников как идеологическую, так и ценностную).

В нашем исследовании наибольшую факторную нагрузку получили установки № 4, 7, 2, 3 и 9, хотя и с разными знаками (Прил. 1). Мы их интерпретируем как ценности, с одной стороны, традиционного или советского типа сознания, а с другой — как их альтернативу — как ценности современного общества, основанного на рыночно-демократической идеологии.

Если в начале 1990-х гг. вторая шкала просматривалась едва уловимо и интерпретировалась неоднозначно (например, В. Рукавишников в уже цитированной работе называл второй фактор «психологическим», определявшим происходящее на эмоциональном уровне и на основе представлений о социальной справедливости), то в настоящем исследовании достаточно четко выделяется вторая шкала как установка, с одной стороны, на индивидуализм или анархию, а с другой стороны, — на «социальный порядок» — государство, общество, коллектив. Наиболее значимыми для выявления данной шкалы являются ценности № 5, 6, 11, 12. Эту шкалу мы условно называем ***«неоконсерваторы — анархисты»***.

Таким образом, если в начале 1990-х гг. практически все консерваторы были государственниками-этакристами, в соответствии с традиционным советским менталитетом, а все демократы — индивидуалистами-анархистами, то за последнее время появились значимые группы как анархистующих консерваторов-дезадаптантов, так и на противоположном фланге — модернистов с ярко выра-

женной тягой к социальному порядку. Если первая из указанных тенденций в какой-то степени проявилась еще в феномене ЛДПР образца 1993 г., то вторая — в «путинской» неоконсервативной революции 1999—2000 гг.

Частный коэффициент корреляции между двумя главным компонентами — «модернизмом» и «коллективизмом» (или солидаризмом) составляет величину $-0,364$ (с учетом возраста, сильно влияющего и на то, и на другое).

Кластерный анализ позволил выделить четыре главных типа ценностных ориентаций. «Традиционалисты» совмещают в себе черты приверженцев как традиционного, так и советского общества. «Анархисты» — это неадаптированные носители идей социальной справедливости, дезадаптанты. «Либерал-индивидуалисты» — это модернисты в чистом виде, в основном характеризующиеся индивидуалистическим сознанием, групповым эгоизмом наиболее адаптировавшейся части общества и высокой степенью «достижительной» активности. В целях более тщательного анализа «консерваторы» разделены на две группы — «традиционных консерваторов», являющихся умеренными консерваторами и в политическом плане представляющих (или представлявших) периферию коммунистического электората, так и «неоконсерваторов», в основном носителей ярко выраженного модернистского начала. «Отличие неоконсерватора от либерала... состоит в том, что неоконсерватор признает значение традиционных ценностей для общественного развития... Неоконсерватизм — это идеология радикальных реформ с опорой на лучшие традиции прошлого, которая сохраняет преемственность общественного развития» [Модернизация 1994, с. 107].

На наш взгляд, именно разделение «левых» на этактистов и собственно «левых», а также появление «либерал-солидаристов» стало наиболее значимым изменением идейно-политического спектра за последнее десятилетие. Правда, в уже упоминавшемся исследовании Г. Сатарова акцентируется внимание немного на ином. Он в 1999 г. выделил «дезадаптантов» (37 %), «социально ригидных» (41 %), «адаптантов» (5 %). Класс «социально-консервативных», увеличившись до 49 %, превратился в класс «равнодушных». Деидеологизация этой группы населения проявляется теперь в их полном равнодушии ко всему, что предлагает рынок политических идей. К ним примыкает группа «всеядных» (7 %), готовых с энтузиазмом поддержать любые политические призывы, даже если они противоречат друг другу. Кроме того, Г. Сатаров выделяет «люмпенов» (19 %) — сторонников жесткой руки, сворачивания демократических свобод, перераспределения собственности, уравниловки; «демократов» (18 %), которые отдают предпочтение традиционным демократическим ценностям при некотором равнодушии к экономической проблематике, а также «либералов» (7 %), ценящих экономические свободы, гарантии прав собственности, минимальное вмешательство государства в жизнь граждан, но довольно равнодушных к демократическим ценностям [Идеологические предпочтения 2000, с. 13]. Подытоживая «вектор перемен» за девять лет, Г. Сатаров наиболее существенными считает следующие:

- отчетливое идеологическое структурирование на полюсах политического спектра;
- увеличение доли деидеологизированных;
- расщепление демократических и либеральных ценностей.

Однако, как мы полагаем, именно группы, пренебрежительно охарактеризованные Г. Сатаровым как «деидеологизированные» и «всеядные», видимо,

Социокультурная трансформация российского общества...

просто потому, что не вписываются в изначальную парадигму разделения общества на «коммунистов» и «демократов», являют собой «точки роста» новой общественной парадигмы, обеспечившей успех неоконсервативной революции в России.

Если на современном Западе происходит трансформация ценностного поля в направлении к постмодернистским и постматериальным ценностям (экология, духовность, нравственность, качество жизни), то для современной России данная тенденция носит сугубо периферийный характер. Так, «...под влиянием социетальных условий население России становится все более и более материалистическим в своих базисных социетальных установках. То, что происходит ныне в реформируемой России, прямо противоположно культурным сдвигам, идущим в западных обществах» [*Рукавишников, Халман, Эстер* 1998, с. 263]. То есть получается, что данный процесс носит сугубо временный характер, так как позднесоветское общество образца середины-конца 1980-х гг. характеризовалось высоким уровнем актуализации постматериальных ценностей, однако экономический кризис 1990-х отбросил общество с этих позиций.

Численность респондентов в каждом из кластеров показана в табл. 1.

Справедливости ради, следует отметить, что проведение иерархического кластер-анализа дало несколько иные результаты. Выделилось пять кластеров примерно одинакового размера. Данная кластеризация сильно коррелирует с приведенной выше базовой, однако, совпадение далеко не полное. Так кластеры № 1 и 3 почти в равной пропорции содержат в себе либералов как индивидуалистической, так и государственнической ориентации. Кластер № 2 состоит почти целиком из «левых анархистов». Кластер № 4 содержит в себе этактистов, выделенных нами выше в типы «традиционалистов» и «традиционных консерваторов». Кластер № 5 носит смешанный характер.

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом. Наша базовая классификация носит опережающий характер, так как в реальности процесс «выпадения» «облака» либерал-солидаристов из общей массы либералов находится еще в начальной стадии, также как и процесс «выпадения» «традиционных консерваторов» из общего сегмента традиционалистов. Однако наша базовая типология также имеет право на существование. Цитируем еще раз работу Г. Сатарова: «Метод, который мы использовали в последние годы, и есть попытка формализации естественной человеческой коммуникации применительно к измерению латентных социологических характеристик. ... У нас есть некая модель демократа, консерватора, центриста и т. д.... Прежде чем вы начинаете применять этот метод, вы должны описать свою латентную переменную. Социолог не ищет переменные, а заранее их описывает» [Идеологические предпочтения 2000, с. 9]. И в нашей базовой типологии произошло «навязывание» кластеру либерал-солидаристов определенных характеристик, которые пока, в силу медленной динамики, недостаточны для выделения полноценного кластера традиционными методами.

Выделенные ценностные группы имеют самое прямое отношение к поискам новой субъектно^{TM} российского общества. Ранее приходилось неоднократно отмечать, что старая советская субъектность, как и остатки традиционного общества, быстро распадаются, тогда как новая субъектность (как правило, в виде «политической нации») не формируется. В результате — атомизация и безсубъектность, парализующая любую политическую волю и попытки выстраивания

Таблица 1. Абсолютная и относительная численность типов ценностных ориентаций

	Абсолютная численность	Процент
Традиционалисты	446	29,6
Анархисты	313	20,8
Либерал-индивидуалисты	438	29,0
Традиционные консерваторы	117	7,8
Неоконсерваторы	194	12,9
Всего	1508	100,0

национальной стратегии развития. На наш взгляд, именно пятый (и в меньшей степени — четвертый) кластер является наиболее перспективным с точки зрения формирования новой субъектности. «Державное самоопределение и "просто" символическая идентификация с такими категориями как история, земля, народ, непосредственно выступают факторами предельной интеграции общества. Социальный человек принадлежит не только к определенной группе, но к определенной нормативно-ценностной системе и определенной "линии" социального времени» [Левада 2000, с. 425]. Сказанное не означает, что уже сегодня «неоконсерваторы» являются реальными носителями субъектности более высокого уровня (это может подтвердить или опровергнуть лишь качественное исследование, способное выявить «коллективное бессознательное», превращающее группу индивидов в субъект более высокого уровня).

Уровни идентичности ценностных групп существенно различаются (табл. 2). Вопрос был задан в следующей форме: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?», при этом можно было выбрать не более трех вариантов ответов. Хорошо видно, что консерваторов, как традиционных, так и новых, от всех остальных групп отличает более сильная идентичность со страной и обществом в целом, тогда как для других групп характерна сильная локальная идентичность.

Средний возраст «консерваторов» — 40—50 лет, причем «новые» в среднем на 8,5 лет моложе «старых» (табл. 3). Обращает на себя внимание молодой средний возраст «анархистов» или «дезадаптантов». Это, безусловно, новые дезадаптанты, не являющиеся носителем советского традиционализма и связанного с ним этатизма. Это реальность, с которой придется в ближайшем будущем иметь дело нынешним псевдо-левым во главе с КПРФ. Неизбежна тенденция, при которой консерваторы будут переходить под знамена «партии власти» (тому пример отслоение от традиционного коммунистического электората «традиционных консерваторов»), а новая база левых будет интересоваться проблемами социальной защиты и адаптации, а не усиления и укрепления мощи государства.

В соответствии с произведенной кластеризацией, все приводящиеся в анкетах ценности, как идеологического, так и общежитийского плана, можно разнести по выделенным пяти группам. Так, в блоке универсальных ценностей, наиболее важных лично для респондента, характерными именно для «неоконсерваторов» оказались профессионализм, развитие, известность, а среди важных для страны — безопасность, независимость, творчество. По своим социальным установкам для «неоконсерваторов» характерны достигательные уста-

Социокультурная трансформация российского общества...

Таблица 2. Уровни идентичности ценностных групп

Идентифитеты	Традиционалисты	Анархисты	Либералы	Традиционные консерваторы	Нео-консерваторы
Гражданин РФ	26,5	25,9	21,5	30,3	34,5
Русский	21,7	18,8	17,8	19,3	21,1
Член трудового коллектива	6,7	8,0	6,4	8,3	4,6
Профессионал	6,3	6,1	9,6	13,8	9,8
Житель области, района	5,4	4,2	2,3	2,8	2,6
Житель Сибири	8,1	10,2	8,4	4,6	9,8
Житель своего города	9,4	13,1	8,7	9,2	9,3
Отец, муж, сын	28,0	30,0	27,9	23,9	23,7
Мужчина, женщина	7,8	18,5	18,7	19,3	16,5
Я сам и только	10,3	16,9	21,5	13,8	12,9

Таблица 3. Средний возраст ценностных групп

Кластер	Средний возраст
Анархисты	35,43
Традиционные консерваторы	51,22
Либерал-индивидуалисты	35,03
Традиционалисты	51,99
Неоконсерваторы	42,62

Таблица 4. Насколько Вам удалось приспособиться к новой экономической реальности, в % (сумма по столбцу составляет 100 %)

	Традиционалисты	Анархисты	Либералы	Традиционные консерваторы	Нео-консерваторы	Всего
Не могу	37,0	19,2	6,9	10,2	10,3	19,1
Живу как раньше	16,8	19,8	25,7	17,6	27,3	21,4
Приходится "вертеться"	34,1	47,6	39,0	43,5	34,5	39,1
Добился большего в жизни	3,8	8,0	22,2	13,9	22,2	13,2
Затрудняюсь ответить	8,3	5,4	6,2	14,8	5,7	7,2

новки, высокая степень адаптивности к происходящим социальным переменам (табл. 4).

«Традиционалисты» имеют самый низкий социальный статус (в среднем 1,10 по 5-балльной шкале) и самый низкий уровень социальных притязаний (2,28 по той же шкале), несколько выше социальный статус и уровень притяза-

ний у «традиционных консерваторов» (1,34 и 2,38, соответственно). «Неоконсерваторы» имеют наиболее высокий статус, который даже выше, чем у «либерал-индивидуалистов» (1,64 против 1,58), но уровень притязаний у них несколько ниже (2,51 против 2,71). Все это позволяет более или менее ясно обрисовать группу «неоконсерваторов» как статусную, умеющую добиваться успеха, причем в большей степени карьеры, чем материального благосостояния, ценящую власть и положение в обществе.

Так, в отличие от анархистствующих либералов, ориентированных на индивидуальный материальный и творческий успех, для «неоконсерваторов» оказываются наиболее характерными такие представления об успехе, как «реализация своих творческих способностей», «быть первым во всем», «высокая должность», «обладание властью», «успех в профессии, на работе», «признание со стороны общества». Данная группа выступает носителем корпоративистской этики, предполагающей высокую ценность процессов социализации индивида. В то же время, например, такая ценность, как «честно прожитая жизнь», является уделом традиционалистского сегмента, выступая, очевидно, в качестве морального компенсатора, оправдывающего низкий уровень общественной самореализации.

В Прил. 2 приводятся базовые ценности, характерные для каждого из основных ценностных типов. Ценности размещаются в порядке убывания и выражаются не в абсолютных показателях, а отклонениях «веса» данной ценности в среднем по массиву опрошенных. Таким образом, со знаком «+» идут ценности, в большей степени характерные именно для данной группы опрошенных, а со знаком «-» — менее характерные. Оказываются достаточно близкими базовые ценности либералов и анархистов, для которых наиболее значимы сугубо индивидуалистические ценности. В то же время для либералов большое значение имеют профессионализм и образование. Базовые ценности либералов и откалывающихся от них «неоконсерваторов» расходятся достаточно кардинально. Если у «традиционных консерваторов» на первое место выходят такие ценности, как труд и родина, то у «неоконсерваторов» — доверие, порядочность, вера.

В дополнение к основной ценностной типологии на основе подпроекта «Мифы в массовом сознании» нами были выделены носители «православной» и «протестантской» системы ценностей. Более подробное содержательное обоснование того, что мы имеем ввиду под тенденциями «протестантизации» массового сознания, мы изложим в следующем разделе статьи. Сейчас же приведем те наборы высказываний, которые, согласно нашим гипотезам, характерны для двух противостоящих друг другу систем ценностей. Под первым номером идут высказывания православного характера, под вторым — протестантские (табл. 5).

Приведенные перечни высказываний были нами факторизованы и на этой основе построены шкалы. По обеим шкалам выделены группы респондентов, обладающих наиболее концентрированным набором православных и протестантских ценностей, соответственно. Из табл. 6 хорошо видно, что «неоконсерваторы» скорее тяготеют к протестантской этике, нежели к православной.

В то же время нельзя не отметить, что в подобной картине значительную роль играют возрастные различия между ценностными типами. «Православные» ценности в гораздо большей степени разделяют представители старших поколений, а «протестантские» — младших и средних.

Социокультурная трансформация российского общества...

Таблица 5. *Высказывания православного и протестантского характера*

Высказывания православного характера	Высказывания протестантского характера
Правда — это сокровенная истина о мире и людях, доступная немногим	Правда — это то, что позволяет хорошо ориентироваться в жизненных ситуациях и добиваться успеха
Всегда и во всем строго следовать высоким нравственным принципам, даже если для этого приходится поступаться практическими интересами своими и своей семьи	Быть хорошим семьянином, честно и добросовестно выполнять свою повседневную работу
Нравственный пример: человек жил бедно, страдал, не добился особого жизненного успеха, но зато был нравственным примером для окружающих	Нравственный пример: Человек был удачлив, добивался успеха во всем, за что брался, заработал много денег, добился высокого общественного положения
Судьба посылает страдания наиболее достойным людям, страдания просветляют и очищают духовно	Судьба наказывает нас страданиями за грехи, а успехами и достатком вознаграждает за праведную и добродетельную жизнь
Кладбище — место скорби, там все должно быть мрачно и торжественно	Кладбище — место поминания близких, здесь должно быть приятно проводить время
Государство олицетворяет высший смысл деятельности отдельного гражданина. Жить ради государства, самозабвенно служить ему — нравственный идеал русского человека	Государство существует ради своих граждан. Государство должно быть сильным, чтобы эффективно защищать их интересы

Таблица 6. *Ценностные группы в разрезе православия и протестантизма, в %*

	Традиционалисты	Либералы	Анархисты	Традиционные консерваторы	Нео-консерваторы
Православные ценности	50,9	21,5	35,3	42,6	26,2
Протестантские ценности	13,6	45,6	25,1	24,1	34,5

3. Социально-мировоззренческие типы и социокультурный код

Особый интерес представляет тип взаимоотношения между индивидом и обществом. Предварительный анализ показывает, что сакральное отношение к государству и власти, мифологизированность сознания в гораздо большей степени присуща старым советским традиционалистам. Сознание же в модернистской части спектра значительно рациональнее. В сильном государстве для себя видят конкретную пользу, а не сакральную ценность. В исследовании, выполненном в 1997 г. Т. Кутковец и А. Зубовым, делается вывод о доминировании протестантских ценностей над традиционно православными. «...Русский народ и раньше был, при всем своем "идеализме", скорее протестантски деятельным, нежели православно аскетичным. Скорее персоналистичным, нежели общественным» [Зубов 1998, с. 161—194]. Однако при всей правдоподобности указанной тенденции, говорить о формировании в современной России протестантской этики, вероятно, преждевременно. Скорее речь идет о «протестанта-

зации» в рамках традиционной православной институциональности, как это происходило в свое время в странах традиционного католичества. Так, в целом, вне рамок протестантской этики остаются взаимоотношения между индивидом и обществом (государство можно обмануть или обокрасть), более жесткая, чем в Северной Европе (правда, на парадном уровне) сексуальная мораль и т. д. В то же время обращает на себя внимание низкий уровень страха смерти (менее 5 %) и посмертных мук (то есть осознания греховности бытия, характерного для традиционных культур — менее 2 %).

53,7 % томичан выносят проблему смерти за пределы своего мировосприятия — стараются о ней просто не думать (что характерно и для всей современной западной культуры). При этом отношение к смерти достаточно резко делит «индивидуалистическую» и «ответственную» часть томичан. Так, не хотят думать о смерти 56,5 % либералов-индивидуалистов и 60,7 % левых анархистов. В то же время доля людей с подобным мировоззрением в «консервативных» сегментах колеблется в пределах 47—49 %. Вот как распределились ответы на вопрос об отношении к смерти:

- смерть — это неприятная неизбежность, поэтому лучше спокойно жить и о ней поменьше думать — 53,7 %;
- смерть подводит главный итог человеческому существованию. Поэтому надо жить так, чтобы встретить смерть с ощущением достойно и нравственно прожитой жизни — 26,8 %;
- смерть — это благо, прерывающее брэнную жизнь, исполненную мук и страданий — 4,6 %.

Утрата экзистенциального смысла смерти приводит к тому, что кладбище — некогда одно из самых сакральных мест — превращается в нечто, скорее напоминающее парк культуры. 48,8 % опрошенных томичан согласились с точкой зрения, что «на кладбище должно быть приятно проводить время» (против 39,8 % тех, кто воспринимает кладбище как место скорби). В США и протестантской Европе уже давно не редкость кладбища, на которых продают газировку и мороженое, катаются на качелях и каруселях. Десакрализация смерти и кладбища характерна именно для постхристианской цивилизации.

Важную роль в протестантизме играет отношение к богатству. И сегодня отношение к богатству и богатым людям является фактором, в наибольшей степени раскалывающим общество. Так, среди традиционалистов 61,5 % согласились с тезисом о том, что «только бедный человек может быть по-настоящему нравственным», напротив, 61,5 % либералов полагает, что «только богатый человек может быть по-настоящему нравственным». На стороне «бедняков» 53,4 % анархистов и 54,3 % традиционных консерваторов. На стороне «богачей» 54,2 % неоконсерваторов. Соответственно проявляется и отношение к «новым русским» (табл. 7).

Обращает на себя внимание то, что если представители индивидуалистического сегмента (либералы и анархисты) при оценке «нового русского» скорее склонны оценивать последнего как продукт везения, то неоконсерваторы (44,8 %) воспринимают его богатство как закономерный результат упорной работы, т. е. выбирают наиболее «социетальную» интерпретацию.

Одним из важнейших компонент социокультурного кода, определяющего поведение нации, этноса, социальной группы, является представление о себе, некий образ народа, в данном случае, русских, представление об их недостат-

Социокультурная трансформация российского общества...

Таблица 7. *Отношение ценностных групп к новым русским, в %*

"Новый русский" — это:	Традиционалисты	Либералы	Анархисты	Традиционные консерваторы	Нео-консерваторы
Вор, паразит	45,4	15,9	31,6	34,1	17,7
Ему повезло	13,8	38,9	35,0	18,6	25,0
Он много работал и многого достиг	25,4	37,5	25,2	31,0	44,8

ках и достоинствах (так называемый автостереотип). В целом присутствует представление о том, что русские смелы (3,87 по пятибалльной шкале); умны (3,76); доверчивы (3,82); отзывчивы (3,87); щедры (3,66); душевны (3,85); жизнерадостны (3,74), простодушны (3,64). Напротив, в меньшей степени им присущи такие положительные качества как активность (3,13); независимость в суждениях (3,00); религиозность (3,08); основательность (3,22); уравновешенность (3,06); законопослушность (3,00). Интерес представляет и то, насколько различаются автостереотипы для различных групп, выделенных по их ценностным ориентациям. Для удобства анализа соответствующие шкалы были пронормированы (за 0 принималось среднее значение шкалы по всему массиву опрошенных) (табл. 8). Критичнее всех качества русских оценивают либералы. Лишь по шкале «религиозность» их автостереотип немного превышает среднее значение. Условный суммарный индекс автостереотипа либералов составляет величину —1,35. Также низок индекс автостереотипа у анархо-дезаптантов. Эта цифра составляет — 1,04. Положительный индекс автостереотипа у традиционалистов. Он составляет +0,32. И, наконец, существенно выше этот показатель у «традиционных консерваторов» (+1,73) и у «неоконсерваторов» (+2,27). Таким образом, **одной из ведущих отличительных черт ядра «новой субъектности» является социальный оптимизм и высокое мнение о характерных чертах русского народа.** Эту закономерность уже приходилось отмечать и ранее. Ядра противостоящих друг другу основных носителей мифологического сознания по-прежнему существенно различаются по своей идентификационной природе. Так, ярким примером, характеризующим один из ключевых факторов идентификационной модели, являются различия в представлениях о достоинствах и недостатках «самих себя» — русского (великорусского) этноса. Вот, например, как оценивают некоторые качества русских людей группы населения, по-разному идентифицировавшие себя политически. «Либералы», сформировавшиеся исторически как «западнические» и, соответственно, «антирусские», точнее «антитрадиционалистские» силы и выступившие в этом качестве как «разрушители» русско-имперско-советской идентичности, оценивают качества русских людей значительно (примерно в 2,5—3 раза) критичнее, чем другие. Особенно это касается «коммунистов», выступающих именно в качестве носителей исторической традиции. Можно даже утверждать, что в «ядре» либеральной части общества присутствуют элементы субэтничности, настолько «матрица» этнической идентичности отличается от традиционной «матрицы». [Бызов 1999]. По мнению А. Кольева, «некоторые либеральные исследователи пытаются увидеть в современном плачевном положении жителей России последствия дурного русского характера. Возникает контр-мифология о народе, который является источником собствен-

Таблица 8. Различие автостереотипов для ценностных групп

Кластер	Анархисты	Традиционные консерваторы	Либералы	Традиционалисты	Неоконсерваторы
Трудолюбие	-0,12	0,17	-0,25	0,15	0,17
Аккуратность	0	0	-0,18	0,11	0,15
Религиозность	0	0	0,07	-0,02	0,02
Честность	-0,12	0,15	-0,12	0,08	0,13
Ум	0	0,20	-0,06	-0,04	0,02
Скромность	-0,06	0,14	-0,17	0,08	0,10
Доверчивость	-0,11	0,15	-0,16	0,06	0,22
Отзывчивость	-0,11	0,12	-0,02	-0,06	0,24
Щедрость	-0,06	0,17	-0,07	-0,08	0,20
Душевность	-0,14	0,11	0,03	-0,07	0,24
Основательность	-0,06	0,09	-0,10	0	0,21
Простодушие	-0,08	0,11	-0,07	0,01	0,10
Жизнерадостность	-0,02	0,15	-0,05	-0,08	0,06
Уравновешенность	0,02	0,02	-0,10	0,01	0,13
Законопослушность	-0,18	0,15	-0,20	0,15	0,23

ных бед, неким объективным фоном, который сопровождает неудачи любой реформы. Народ объявляется беспробудным пьяницей, варваром, которому недоступны ценности цивилизации, дух предпринимательства, трудолюбие. Об этом упорно пишут А. Ахиезер и И. Яковенко...» [Кольев 1998, с. 59].

Характеризуя современных российских либеральных западников, Н. Н. Зарубина отмечает, что «феномен современного западничества отягощен деструктивным комплексом, в основе которого лежит резкое неприятие российской действительности» [Зарубина 2001, с. 126].

Исследование показало также, что такие «русские» мифы как «для русского человека важно не материальное преуспевание, не карьера, а жизнь по правде и справедливости», «русский человек стремится делать добро не только для себя, а для всего человечества», «русский человек не может не быть честным», «русские честнее других народов» — являются ценностями традиционалистского сегмента общества. Для либерал-индивидуалистического сектора характерен миф «русский человек ленив и плохой работник». Это позволяет нам вернуться к мыслям, высказанным в начале данного раздела, о том, что «православная» ментальность, являвшаяся на протяжении многих столетий как бы «визитной карточкой» русских, сегодня оказалась запертой в том сегменте ценностного спектра, который характерен именно для советского традиционализма. Видимо поэтому столь неопределенно «сработала» и та ценность, которая касается отношения к религии. 28,1 % томичан поддержали тезис, согласно которому «следует строить общество на основе веры в Бога и религиозной морали». Религиозные томичане примерно в одинаковой пропорции присутствуют как в традиционалистском, так и модернистском сегментах.

Социокультурная трансформация российского общества...

И. Клямкин и Т. Кутковец отмечают в этой связи, что «то, что идеологи почвенничества считают в народе самобытно-ценным, самим народом оно таковым не воспринимается...» [Клямкин, Кутковец 2000, с. 169]. Так, «духовное» воспринимается не как альтернатива высоким жизненным стандартам, а как их следствие. «Духовность» перестала быть монополией народа как целостной общности, а стала, в первую очередь, прерогативой личности. Произошла девальвация таких ценностей как долготерпение и непритязательность, которые стали восприниматься современной частью общества со знаком минус. Образ воина как собирательный образ народа заменился образом работника и частного потребителя.

Вот представления о том, какое место должна занимать религия в жизни общества, характерные для традиционалистского сегмента ценностного поля. *«Настоящий верующий должен неотступно соблюдать все церковные обряды, посты, воспитывать детей в религиозном послушании». «Только верующий человек может быть по-настоящему нравственным». «Религия — это утешение для слабых, сильному человеку она не нужна». «Религиозные люди — это, по большей части, лицемеры».* Как видим, два радикально противоположных взгляда на религию — православный и атеистический. Но это на поверхностный взгляд. В начале материала мы уже высказывали предположение, что советский фундаментализм был, в первую очередь, радикальной альтернативой религиозной секуляризации, происходившей в России в послениконианскую эпоху, чему немало свидетелей как в публицистической (Н. Бердяев), так и в художественной форме (А. Блок, Н. Клюев, А. Платонов). Поэтому нам представляется поверхностным определение советского традиционализма как преимущественно светского, атеистического, «перпендикулярного» православно-христианским ценностям. Нынешнее рационально-позитивное отношение к религии, в основном к православию, противостоит в равной степени как православному фундаментализму, так и советскому атеизму. Вот высказывания о религии, поддерживаемые «новыми коллективистами»:

- «обряды, посты — все это не столь уж важно, главное — жить по нравственным законам»;
- «церковь должна заниматься только духовной сферой, не вмешиваясь в политику и повседневную жизнь общества»;
- «важно во что-то верить, а конкретная форма веры не столь важна»;
- «религия — это то, что привязывает человека к его истокам, к вере и обычаям предков».

Между тем, именно «неоконсерваторы» демонстрируют наибольшие симпатии к православию. Среди них однозначно с симпатией к православию относятся 69,9 %; среди «традиционных консерваторов» — 64,7 %; «традиционалистов» — 58,8 %; «анархистов-дезаптантов» — 54,6 %; «либералов-индивидуалистов» — 53,6 %. То есть сами неоконсерваторы не являются слишком верующими людьми, по крайней мере, они далеки от фундаменталистского отношения к вере; с другой стороны, они в наибольшей степени признают ценность религии как государственно-социального института. «Религиозный миф перестает быть живым и превращается в иносказание, этнографическую диковинку или даже в примитивный бытовой ритуал, который сам по себе не порождает никаких чувств сверх тех, которые прихожанин приносит в Церковь. В Церкви уже нет глубокого переживания бессознательного» [Кольев 1998, с. 54].

Антифундаментализм современного массового сознания, причем не только россиян, но и, по-видимому, всего западного мира, может быть с известной мерой условности охарактеризован как кризис монотеизма. Действительно, монотеистическое мировосприятие предполагает признание единой правды, абсолютной истины. Между тем, более 50 % опрошенных томичан согласны с утверждением, что «единой правды вообще не существует, у каждого она своя». Мнения распределились следующим образом.

1. «Правда — сокровенная истина о мире и людях, доступная немногим» — 5,1 %.
  2. «Правда — это то, что позволяет хорошо ориентироваться в жизненных ситуациях и добиваться успеха» — 6,2 %.
  3. «Правда — это справедливость в общественной жизни» — 27,3 %.
  4. «Единой правды вообще нет, у каждого она своя» — 55,1 %.
- Отсутствие единой правды как выразителя абсолютной, божественной истины приводит к достаточно широкой религиозной толерантности. Для современного постмонотеистического мировосприятия сама вера в Бога является исключительно вопросом личностной идентификации с тем или иным целым. При этом вера не в «того» Бога, равно как и вообще неверие в Бога не воспринимается в качестве греха. Так, на вопрос, задаваемый о наказании за неверие в Бога, 81,9 % опрошенных заявили, что «за это не стали бы судить»; 9,8 % высказались за суд с возможностью искупления вины, а 3,7 % не предполагают за этот грех права прощения.

Соответственно, православное мироощущение все больше приобретает функцию национально-исторической идентичности, его «экзотерические» стороны (связанные с обрядами, ритуалами) становятся более актуальными, нежели «эзотерические» (связанные с поиском сокровенного смысла бытия). Поиски же эзотерики в массовом сознании уведут современную генерацию россиян все дальше от собственно христианской традиции. Аналогичные тенденции наблюдаются и на современном Западе, что, вероятно, позволяет говорить о распространении кризиса христианской эзотерики.

При этом та часть опрошенных, которых, условно говоря, можно отнести к представителям «православной» системы ценностей, не столь уж существенно отличается от более рационалистических «протестантов» (табл. 9).

Одной из важнейших составляющих протестантской этики является культ жизненного успеха. В традиционных монотеистических религиозных системах, особенно в христианстве и индуизме, страдание считается наиболее богоугодной формой жизненного пути, либо «облегчающего карму», либо вознаграждаемое «царствием небесным». Такая форма аскезы, как нестяжательство до сих пор остается одной из важнейших характеристик позитивного национального автостереотипа русского этноса, особенно его традиционалистского сегмента. В то же время протестантская этика включает в себя признание того, что успех является прижизненным проявлением праведности. Между тем, лишь 18,2 % томичан согласны с тезисом, что «судьба посылает страдания наиболее достойным людям, страдания просветляют и очищают духовно», тогда как 36,5 % разделяют тезис о том, что «судьба наказывает нас страданиями за грехи, а успехами и достатком вознаграждает за праведную и добродетельную жизнь». Следует остановиться и на таком феномене, характерном для современного массового сознания, как *антизападничество*, объединяющее как традициона-

Социокультурная трансформация российского общества...

Таблица 9. Представление о правде среди «православных» и «протестантов», в %

Представление о правде	«Православные»	«Протестанты»
Правда — сокровенная истина о мире и людях, доступная немногим	7,0	4,7
Правда — это то, что позволяет хорошо ориентироваться в жизненных ситуациях и добиваться успеха	4,1	12,6
Правда — это справедливость в общественной жизни	32,2	26,1
Единой правды вообще нет, у каждого она своя	51,9	53,7

листов, так и консерваторов. Сторонники однозначной ориентации на «вхождение в число цивилизованных стран» сегодня составляют в Томске 26,9 % а в других регионах страны их еще меньше. 61,2 % полагает, что «у России свой, особый путь». Что такое этот *особый русский путь*? По мнению идеолога современного евразийства профессора А. Панарина, «...вызов Запада выступает как угроза национальной идентичности, подрыв культуры и морали в ходе всепроникающей модернизации»; «глобальный мир стал превращаться в систему глобального геноцида». Он видит будущее России в качестве лидера «глобальной мироустроительной альтернативы Западу» [Панарин 1999]. На вопрос, что же все-таки является «ядром» собственного «русского цивилизационного пути», отмечается, что «главной, системообразующей ценностью самобытной русской культуры сторонники "русского пути" большей частью провозглашают православную соборность, противопоставляя ее не только буржуазному индивидуализму и эгоизму, но и коммунистическим "коллективизму", "классовой солидарности", "общественности". Воплощения соборной идеологии — община и артель — как формы организации труда представляются сторонникам "русского пути" вполне пригодными и для развития современных форм хозяйственной организации» [Зарубина 2001, с. 131]. Однако приведенный выше анализ религиозной ментальности современных россиян заставляет предположить, что под «своим путем» имеется ввиду скорее форма, чем содержание. Ведь в интерпретации модернистской, хотя и антизападной части общества православие очень далеко отстоит от традиционного для России его понимания.

Именно поэтому «западные фобии» в сегодняшней России далеко не во всем следует интерпретировать буквально. По своей социально-культурной составляющей Россия является сегодня страной индивидуализированной и во многом вестернизированной. «Восток» с его культом «коллектива», подавлением личности, патриархальной семьей и культурно, и социально чужд современному россиянину. Так на вопрос, куда бы они хотели уехать, если бы представилась соответствующая возможность, 43,1 % томичан высказали желание сменить место жительства, в том числе 12,1 % выбрали из возможных вариантов отъезд за рубеж. Из числа последних 95 % в качестве желаемой для эмиграции страны выбрали США или другие страны Запада, и лишь 5 % — страны Востока, такие как Китай, Индия, Япония — то есть те страны, с которыми, сообразно рациональной логике, «надо поддерживать дружеские отношения». Не известны в России и культурные достижения стран Востока, в том числе и в сфере массовой культуры. Напротив, американская массовая культура все больше становится эталоном для подрастающих поколений в нашей стране.

Вообще отношение россиян к США очень похоже на отношение российской глубинки к Москве. Та же видимая неприязнь («они богатеют за счет нас»), совмещенная с фактическим признанием ее экономического, социального и культурного лидерства, а сам американский образ жизни — это воплощенный, но недоступный для большинства россиян «земной рай». Следовательно, плохое на вербальном уровне отношение к США — это, скорее, обида и зависть в отношении более удачливого и сильного конкурента, но никак не отрицание самих американских ценностей. В каком-то смысле посткоммунистическая Россия является больше Америкой, чем сами США. Там «культурная беспочвенность», антитрадиционализм стали в свое время доминантой национального становления, но сегодня наблюдается обратный процесс обрастания традициями. В то же время ни в одной стране мира не происходило столь стремительно и бесповоротного разрушения традиционного общества, как в России в XX веке, особенно это касается самих русских, национальных основ их жизни. И нынешние поколения русских едва ли не столь же далеки от своих культурных корней, как современные греки от великой Древней Греции. Для новой генерации русских с их молодым и несколько варварским самоощущением, в общем, чужда и непонятна чопорная и заорганизованная, слишком «правильная» Европа, где каждый камушек на дороге освящен традицией, тем более традиционный Восток. В то же время, как будет показано ниже, формирование у значительной части общества неоконсервативной идентичности в некоторой степени сопровождается переориентацией от США в направлении Европы. Однако если с Европой нас сближает локализация жизненных целей (по сравнению с гегемонистскими притязаниями американской культуры и цивилизации), то в отношении культурно-пространственных парадигм наше развитие скорее происходит по американскому образцу («автоколонизация России» современной генерацией русских).

Следующая таблица подтверждает сказанное, причем в весьма радикальной форме (табл. 10). Речь идет об «установке на новизну». Респондентам предлагалась следующая альтернатива — «мне нравится, когда сохраняется старинный облик наших городов и сел», а также «мне больше нравятся новые и современные города и поселки».

Различия «в разы» не могут носить случайного характера. Налицо совершенно определенная тенденция. «Неоконсервативная революция» в России знаменует собой окончательный разрыв с традицией и историческим самосознанием. Хороши же «консерваторы», предпочитающие «новые города и поселки» «старинному облику городов и сел».

Если традиционалисты не видят преемственности нынешней России и высказывают самые мрачные предположения о ее будущем (вплоть до ее возможного распада), то модернисты, особенно «неоконсерваторы», напротив, весьма оптимистичны. 72,2 % среди них полагают, что России «еще предстоит период подъема», тогда как среди «традиционалистов» подобной оптимистической позиции придерживаются лишь 44,1 % (табл. 11). Именно выделенные нами «государственнические» группы ощущают себя носителями новой исторической парадигмы, ориентированной на процветание «новой России».

Российская модернизация существенно меняет систему парадных ценностей в отношении тех или иных «грехов», проступков и преступлений. В Прил. 3 представлено отношение выделенных ценностных групп к соответствующим

Социокультурная трансформация российского общества...

Таблица 10. «Установка на новизну» среди ценностных групп (сумма по столбцу составляет 100 %)

Группы	Традиционалисты	Анархисты	Либералы-индивидуалисты	Традиционные консерваторы	Нео-консерваторы
"Старинный облик"	61,6	54,0	47,5	25,9	33,0
"Новые города и поселки"	21,1	30,4	38,8	56,5	56,7
Затруднились ответить	17,3	15,7	13,7	17,6	10,3

Таблица 11. Мнение ценностных групп относительно будущего России

	Величие России в прошлом	Еще предстоит период подъема	Россия может распасться	Надо думать не о России, а о своих делах
Анархисты	11,9	59,1	6,8	10,4
Традиционные консерваторы	8,5	72,8	7,0	2,6
Либералы	7,0	71,4	3,9	3,9
Традиционалисты	13,4	44,1	15,9	6,3
Неоконсерваторы	7,5	72,2	8,3	0,8

явлениям в условных показателях. Рассчитано «среднее» значение терпимости к проступку, при этом за «1» принималось утверждение «никогда не может быть оправдано»; за «2» — «иногда это допустимо»; за «3» — «не вижу в этом ничего плохого». Среди «грехов» или проступков как традиционные преступление (воровство, убийство), так и связанные со взаимоотношением между человеком и государством (уклонение от налогов, от службы в армии), сексуальные, бытовые (пьянство) и т. п.

Наибольший ригоризм характерен для группы «традиционных консерваторов», несколько в меньшей степени — для традиционалистов. «Анархисты-дезаптанты», как и полагается «левым», наиболее либеральны в отношении любых форм девиантного поведения. Интересно, что все три названные группы находятся в антимодернистском секторе, т. е. представляют собой традиционные типажи, характерные для «старых русских». Что же касается «либералов» из числа «новых русских», то они отличаются от анархизирующих «старых русских», в первую очередь, более либеральным отношением к сексуальной девиантности — абортам, гомосексуализму, добрачным половым связям, супружеской измене, проституции. К этому типу девиантности относятся также самоубийство и эмиграция. «Неоконсерваторы», как правило, по всем видам девиантности не занимают крайнего положения.

Таким образом, если посмотреть на эволюцию парадных моральных установок через призму внутренней динамики процессов модернизации, то видна устойчивая тенденция либерализации морали, в первую очередь, касающейся сексуальной сферы (что характерно для всего современного западного мира). Так по данным ВЦИОМ [*Левада* 2000, с. 458], численность тех, кто требует «ликвидировать», соответственно, проституток и гомосексуалистов сократи-

лось с 1989 г. по 1999 г. с 27 % до 12 % и с 31 % до 15 %, а сторонников «изоляции их от общества», соответственно, с 33 % до 20 % и с 32 % до 23 %. Следует отметить при этом, что официальная православная доктрина продолжает рассматривать как тяжкие грехи аборт, гомосексуализм, самоубийство, применение разного рода биотехнологий, включая контрацепцию [Основы 2000, с. 137—156]. В еще большей степени либерализация морали коснулась таких некогда религиозных «табу», как неверие в Бога и самоубийство. Мы уже приводили выше данные, согласно которым практически 90 % томичан не считают неверие в Бога грехом, заслуживающим какого-либо осуждения. 62,5 % не считают грехом и самоубийство, в то время его как смертный грех, не заслуживающий прощения, воспринимают лишь 11,5 % томичан. Что же касается взаимоотношений между гражданином и государством, то «пик» либерализации, очевидно, уже позади, так как он связан с этапом доминирования в обществе либерал-индивидуалистической модели поведения (что же касается левых анархистов, для которых антигосударственность также органична, то эти группы общества, вероятно, будут занимать достаточно маргинальное положение).

На законопослушность значительной части современных секторов общества обращает внимание А. Зубов: «Современный русский человек совершенно изжил в себе безгласную покорность власти, сменившуюся большей частью не на своекорыстный эгоизм, а на ответственную, принципиально демократическую позицию» [Зубов 1998, с. 184].

Однако выводы А. Зубова кажутся нам чрезмерно оптимистичными. Вот как распределились ответы на вопрос о согласии со следующим утверждением: «*Врать государству не зазорно, поскольку оно обманывает граждан*». Во всех группах общества тех, кто согласен с этим мнением, больше, чем несогласных (исключение составляют «традиционные консерваторы», но и там доля несогласных менее 50 %). В то же время практически всеми (около 95 %) поддерживается тезис, согласно которому «государство обязано всегда быть честным со своими гражданами». Таким образом, граждане предъявляют государству те требования, которые отнюдь не готовы выполнять сами.

Наряду с национальным (этническим) стереотипом, важнейшей мифологической конструкцией, определяющей социокультурный код нации, является *историческая мифология*. Анализ «исторического времени» позволяет сделать следующие выводы.

- Различия между группами в оценках исторического времени носят умеренный характер. В целом, основные исторические мифы носят общенациональный характер. При этом, главнейшие вехи — это Петр Первый и Великая Отечественная война. С позитивной оценкой обеих названных эпох согласны все без исключения ценностные группы, одновременно наблюдается «негативный консенсус» в отношении периода революции и гражданской войны, эпох Горбачева и Ельцина.
- Основополагающий миф о Петре Первом, разделяемый всеми группами общества, включая традиционалистов, говорит об исчерпании и деградации антимодернизационной мифологии, отсутствии перспектив у «консервативной революции» с воссозданием фундаменталистских основ жизни.
- Период советской истории продолжает наиболее неоднозначно восприниматься обществом. Однако острота различий имеет тенденцию к стиранию. Так, казалось бы, наиболее активными адептами советской истории долж-

Социокультурная трансформация российского общества...

ны были бы выступать советские традиционалисты. Однако их поддержка всей довоенной советской истории носит достаточно вялый характер. Главный советский миф все больше смещается от эпохи Сталина (эпоха Ленина уже давно утратила актуальность) к эпохе Брежнева. Это явственно свидетельствует о постепенном вырождении мифологической базы советского традиционализма.

- Нынешний, «путинский» период в российской истории оценивается существенно иначе, чем предшествующее ему пятнадцатилетие «смуты». «Согласно оценкам большинства россиян, нынешний, пока лишь складывающийся политический режим воспринимается как радикальная альтернатива «ельцинской России»; на него возлагаются ожидания модернизационного прорыва, восстановления роли страны в мире, воссоздания основных систем жизнеобеспечения населения, наведения «элементарного порядка» [Вызов 2001, с. 12]. Пока отношение к нему достаточно сдержанное, однако как консерваторы, так и либералы оценивают его скорее положительно. Явно отрицательно относятся к нему лишь традиционалисты. Подобный «союз» либералов и консерваторов характерен в определенной степени для эпохи Хрущева и XIX в.
- Отличие неоконсерваторов от другой смежной группы — либералов — состоит в низкой оценке начала XX в. (для этого периода действительно характерен расцвет индивидуалистического состояния в сочетании с деградацией государственности), нейтральное отношение к периоду Брежнева и более радикальное неприятие эпох Горбачева и Ельцина.

В табл. 12 приводится отношение к тому или иному периоду русской истории. Данная оценка рассчитана как разность между долей тех, кто гордится соответствующей эпохой и теми, кто ее стыдится.

На вопрос, кто из политических персонажей настоящего или относительно недавнего прошлого или же киногероев может сегодня рассматриваться в качестве прототипа национального героя («на кого должен быть похож настоящий современный герой?») симпатии томичан распределились между В. Путиным (22 %), А. Солженицыным (18 %) и А. Сахаровым (19 %). При этом респонденты с ярко выраженной традиционно-православной системой ценностей значительно чаще называли А. Солженицына. Интерес представляет и то, что лишь около 4 % назвали главу Русской православной церкви Алексия Второго. Около 5 % назвали И. Сталина, что также подтверждает высказанный выше тезис о том, что актуальность фигуры типа И. Сталина («нужен новый Сталин») в современной России весьма невелика.

Одной из важнейших характеристик социокультурного кода является мобилизационная направленность общества. Исследование показало, что мобилизационная компонента достаточно высока, но направлена практически исключительно на *сферу локальных интересов*. Так, 44,0 % опрошенных томичан готовы «пожертвовать личным благополучием и материальным достатком» ради будущего своих детей; 36,9 % — ради безопасности своего дома, своей семьи. Лишь на третьем месте в качестве сверхценности выступает безопасность России (23,7 % всех опрошенных). Причем подобное соотношение характерно для всех без исключения ценностных групп. Так для «неоконсерваторов» эти цифры, соответственно, — 42,3 %; 34,5 %; 34,1 %. Впрочем, в современной России подобная индивидуализация бытия видна и невооруженным социологически-

Таблица 12. Отношение ценностных групп к тому или иному периоду

Исторические эпохи	Либералы	Традиционные консерваторы	Либералы	Традиционалисты	Неоконсерваторы
Допетровская Русь	+4,1	+3,6	+2,8	+2,3	+1,5
Эпоха Петра Первого	+63,2	+54,8	+66,8	+42,4	+68,4
Эпоха Екатерины Великой	+15,4	+12,5	+31,2	+12,6	+21,8
XIX век в целом	+14,2	+10,6	+19,8	+7,0	+14,2
Начало XX века	+14,2	+7,0	+17,8	+8,3	+2,2
Период революции и гражданской войны	-21,1	-4,0	-27,0	-3,5	-22,0
Период индустриализации и коллективизации	-8,3	-8,7	-4,8	+6,8	-1,5
Эпоха Сталина в целом	-38,9	-26,3	-55,4	+5,3	-43,6
Великая Отечественная война	+43,4	+54,0	+48,2	+43,4	+54,1
Послевоенные годы	+19,6	+43,8	+28,7	+35,4	+33,1
Эпоха Хрущева	+0,9	+6,5	+6,2	+4,6	+7,5
Эпоха Брежнева	-2,1	+7,3	-11,2	+22,8	-1,5
Эпоха Горбачева («перестройка»)	-17,5	-26,3	-7,8	-31,1	-26,3
Начало 1990-х годов	-15,7	-18,2	-5,9	-16,5	-19,5
Эпоха Ельцина в целом	-32,9	-49,7	-25,1	-47,7	-48,9
Нынешние времена («путинские»)	-9,8	+3,7	+5,0	-22,6	+9,0

ми методами взглядом. Свободная экономика раскрепостила океан человеческой энергии, однако, как правило, заканчивающегося за пределами забора собственной дачи или коттеджа. И для выделенной нами (как потенциально мобилизационной) группы «неоконсерваторов», мобилизационная компонента остается, в основном, на уровне парадных ценностей. Да, среди них на 10 % больше тех, кто готов хоть чем-то пожертвовать ради безопасности страны, но не на порядок. Для сравнения приведем данные ВЦИОМа за 1996 г. [Экономические и социальные перемены 1997, с. 6]. Так, 9 % русских москвичей безусловно были готовы принять активное участие в конфликте в интересах своей национальной группы; 24 % — не готовы ни коем случае. По мнению А. Савельева, «последнее говорит о том, что русское национальное ядро (сочетающее в себе русскую культурную идентичность и готовность к ее защите политическими средствами) сегодня крайне малочисленно — не более 1—2 %» [Савельев 2000, с. 361]. Правда, автор надеется, что «сплотившись, это ядро может повести за собой готовых к борьбе за русские интересы националистов — 10—15 %, а затем — и до половины населения страны» [там же].

И, наконец, исследование явственно продемонстрировало, что никакие идеи не являются больше *сверхценностями* ни для каких социальных групп. Так, ради целостности страны готовы пойти на жертвы 4,2 % томичан; ради коммунистической идеи — 1,7 %; ради идеи демократии, прав человека — 1,5 %; ради идеи прогресса, блага всего человечества — 1,9 %; за православную идею — 2,3 %. Аналогично, лишь 5,5 % полагают, что объединить российское общество могут идеи демократии; 1,1 % — коммунистическая идея; 1,1 % — православная идея. Наибольший же рейтинг получили такие «безыдейные» ценности как стабильность (24,5 %), законность и порядок (22,1 %), достойная жизнь

Социокультурная трансформация российского общества...

(16,3 %). При этом для «традиционалистов» более характерны, чем для других групп такие ценности как «равенство и справедливость», «коммунизм»; для «левых анархистов» — «крепкая семья»; для «либералов» — «достойная жизнь», «вхождение в современный мир», «свобода», «права человека и демократия»; для «традиционных консерваторов» — «сильная держава», «законность и порядок»; для «неоконсерваторов» — «стабильность», «возрождение России», «православие», «спасение Отечества».

Весьма неопределенное место в общей ценностной структуре занимает **«русская идея»**, считающаяся многими аналитиками едва ли не ключевой компонентой новой консервативной волны. Она, судя по всему, объединяет в себе две противоречащие друг другу тенденции. Одна из них — «возрождение России», «укрепление государства» — разделяется достаточно большой долей общества. Ее «ядро» размещается в «государственническом», консервативном сегменте общества, в равной мере как в антимодернизационной, так и модернизационной его части. В то же время такая ценность, как русская этничность, базируется в диаметрально противоположных сегментах. Так, с утверждением «в России должно быть государство, которое выражало бы, в первую очередь, интересы русских» согласны в среднем чуть больше 20 % томичан. Однако наивысший рейтинг данное утверждение получило в группе «левых анархистов», демонстрирующих сугубо антигосударственнические и антиколлективистские ценности — 44,7 %. За ними следуют «традиционалисты» — 30,4 %; «традиционные консерваторы» — 23,0 %; «неоконсерваторы» — 19,6 %; «либералы» — 15,0 %. Такая картина позволяет предположить, что если в консервативном секторе идеи приоритета русской этничности и возрождения России в определенной степени соединяются, то в модернистском секторе радикально расходятся, а русские националисты трансформируются в радикальных антисолидаристов.

В ходе исследования респондентам было предложено определиться в отношении ряда социальных групп и понятий по шкале «свой — чужой» (Прил. 4). При этом максимальное значение шкалы — «4» — соответствует ответу «чужой»; «3» — «скорее чужой»; «2» — «скорее свой»; «1» — «свой».

Интересно, что именно в группе «анархистов» наблюдается наиболее неприязненное отношение ко всем иноэтническим и иноконфессиональным группам — евреям, чеченцам, неграм, китайцам, мусульманам. Традиционные консерваторы наиболее почтительно относятся к политике — министрам, депутатам, политикам. Наиболее интересная для нас группа «неоконсерваторов» характеризуется вообще большей толерантностью и более высокими оценками по отношению практически ко всем группам и понятиям. В частности, от либералов они отличаются существенно более высокой идентичностью с «русскими патриотами», а также тем, что либералы ощущают себя ближе к американцам, а неоконсерваторы — к европейцам.

Подытоживая исследование социокультурного кода современных россиян, можно лишь частично согласиться с теми, кто не видит в нынешних русских преемственности с исторической Россией.

4. Социально-мировоззренческие типы и современный политический процесс

Социокультурная мифология находит свое естественное продолжение в мифологии политической. В.С. Полосин определяет политический миф как особый миф, который хранит в коллективной памяти народа его социальный опыт, «связанный с действием институтов его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета нации. Политический миф, соответственно, включает в свою структуру: 1) архетип какой-либо опытной ситуации, связанной с осуществлением мер социального регулирования и принуждения; 2) содержание конкретного опыта, эмпирически полученного в ситуациях, объединенных данным архетипом; 3) систему иносказательных образов, функциональная символика которых соотносит «желаемое» с «должным», то есть со сложившимся архетипом» [Полосин 1998, с. 193]. Политический миф, как и архаический, характеризуется определенным набором компонентов: картиной мира в виде мифологизированной концепции социальной Истины; точкой во времени, связанной с истоком национальной истории и культуры; образом будущего и оппозицией «мы — они». «Развитость политической мифологии зависит от количества главных мифологических событий и их исторической глубины. У "демократов" ельцинского призыва есть единственное главное событие — "демократическая революция" августа 1991 г., объявленная моментом образования "новой России", с предысторией в жертвах сталинских репрессий и диссидентским движением. У российских коммунистов главные мифологические события определены 1917 годом, предысторией "декабристы — народники — Герцен — большевики" — и апофеозом Победы 1945 г. с образованием социалистического лагеря. Для русского националиста ключевые события истории — крещение Руси, Куликовская битва и другие русские победы, включая и Победу 1945 г., но без финального апофеоза» [Кольев 1998, с. 123].

Из табл. 13 видно, что ранее (в первой половине 1990-х гг.) на ценности демократии ориентировалось 35,4 % нынешних томичан, а 29,0 % были противниками демократических преобразований. Сейчас демократами называют себя 22,4 % а антидемократами — 42,0 %. Таким образом, тенденция явно не в пользу демократических ценностей. Правда, следует сделать поправку на то, что под «демократией» чаще всего называют тот воинственно индивидуалистический тип модернистского сознания, который превалировал в то время. Среди «консерваторов», как «старых», так и «новых» доминируют те, кто не отождествляет себя сегодня с демократическими идеалами (более 2/3 от числа ответивших на поставленный вопрос). При этом среди «традиционных консерваторов» несколько больше тех, кто и не был увлечен идеалами демократии, а среди «новых» — тех, кто разочаровался в демократии.

Наиболее активными в политическом отношении являются консерваторы, в большей степени — «старые» (57,3 % либо лично участвуют, либо постоянно следят за политикой), несколько в меньшей степени — «новые» (44,4 %). «Левые анархисты» в наименьшей степени склонны интересоваться политикой, тем более непосредственно участвовать в различного рода акциях: 70,9 % этой группы за политикой либо совсем не следят, либо следят от случая к случаю (табл. 14).

Социокультурная трансформация российского общества...

Таблица 13. Ответ на вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к ценностям и идеалам демократии?» в % (сумма по столбцу составляет 100 %)

	Анархисты	Традиционные консерваторы	Либерал-индивидуалисты	Традиционалисты	Неоконсерваторы	Всего
Был и остаюсь демократом	17,8	15,0	30,7	6,3	19,7	17,5
Стал демократом	5,3	3,6	7,3	2,3	8,3	4,9
Разочаровался	15,1	22,3	9,2	23,6	22,7	17,9
Не был и не стал	19,6	25,9	13,7	36,9	21,2	24,1
Затрудняюсь ответить	42,1	33,2	39,1	30,9	28,0	35,6

Таблица 14. Ценностные группы и политика, в % (сумма по строке составляет 100%)

	Лично участвую	Постоянно слежу	Слежу от случая к случаю	Политикой не интересуюсь	Затрудняюсь ответить
Анархисты	1,5	25,3	43,2	27,7	2,4
Традиционные консерваторы	0,4	56,9	27,0	14,6	1,1
Либералы	2,2	37,9	43,7	15,3	0,8
Традиционалисты	1,8	34,7	35,9	24,6	3,0
Неоконсерваторы	1,5	42,9	32,3	22,6	0,8
Всего	1,5	38,1	37,5	21,1	1,8

Весьма неоднозначным оказалось соотношение между описываемыми ценностными типами и обычными идейно-политическими сегментами, выделяемыми различными исследователями (в рамках триады «коммунисты — либералы — националисты», или же в рамках пятичленки «коммунисты — националисты — либералы — государственники — демократы»). Так, нами ранее отмечалось, что в средней части политического спектра, который с различными оговорками можно отнести к центристам, образовалось несколько новых групп сознания [Вызов 2001]. Это — переставшие себя отождествлять с либералами-рыночниками «демократы» — сторонники демократического пути развития страны и приоритета прав человека (10,5 % в октябре 2000 г. по данным мониторинга РНИСиНП), «русские националисты» (5,4 %), социалисты и социал-демократы (2,0 %), «государственники» (18,2 %), а также неопределившиеся в своих политических симпатиях (47,1 %). Так, «анархисты» оказались «размазаны» между различными идейно-политическими типами, за исключением коммунистов. 36,4 % среди них, больше, чем в других ценностных группах, оказались безразличны ко всем идейно-политическим ориентациям. Среди «традиционных консерваторов» несколько больше, чем в среднем, коммунистов и русских националистов. «Неоконсерваторы» отличаются высокой долей сторонников укрепления государства (31,6 %) и приоритета демократических ценностей (16,5 %). Больше соответствия между либералами «ценностными» и «идейно-политическими». Среди последних 67,2 % демонстрируют либеральную систему ценностей. Традиционалисты составляют 53,0 % тех, кто ориентирован на коммунистические идеи.

Таблица 15. Политические силы, представляющие ценностные группы, в %

	КПРФ	Единство	Отечество	СПС	ЛДПР	Яблоко
Анархисты	7,4	8,3	0,9	2,7	6,0	9,2
Традиционные консерваторы	22,3	13,9	3,6	1,8	5,1	5,8
Либералы	4,5	16,2	2,2	7,0	2,5	12,8
Традиционалисты	26,1	7,8	1,0	0,5	5,5	2,8
Неоконсерваторы	12,0	21,1	3,8	1,5	6,0	8,3

В политическом плане «неоконсерваторы» больше других групп ориентированы на поддержку «Единства». Ядром сторонников КПРФ остаются советские традиционалисты и «традиционные консерваторы», т. е. группы, принадлежащие к государственно-коллективистскому сегменту ценностного спектра. И эта социальная база отчасти пересекается, отчасти является смежной для «партии власти» — «Единства». В то же время иные «левые» («левые анархисты») остаются практически без представляющей их политической силы (табл. 15).

Можно сделать вывод, что сформировавшийся в России и переживающий ныне системный кризис партийно-политический спектр далеко не полностью адекватен наметившейся социокультурной и ценностной динамике. Разрушение характерного для 1990-х гг. противостояния «коммунистов» и «демократов» привело к появлению в либеральной части спектра как минимум трех электоральных ниш, которые представляют СПС, «Яблоко» и в определенной степени — «Единство». При этом электораты как СПС, так и «Яблока» характеризуются высоким уровнем индивидуализма, в первом случае — это групповой эгоизм наиболее преуспевшей части общества, во втором случае — анархические устремления маргинальной интеллигенции. Если до 1998—99 гг., т. е. до начала «неоконсервативной волны», «коммунисты» представляли собой замкнутую и маломобильную традиционалистскую резервацию, объединенную идеей традиционной идентичности, то сегодня наблюдается быстрый распад данной ниши, искусственно сдерживаемый лишь почти демонстративным нежеланием «партии власти» всерьез работать с центристски ориентированной частью общества (в основном в сфере внутренней политики). Ведь именно «государство» (в широком смысле слова) сегодня выступает в качестве центра общенациональной идентичности, оттесняя тем самым коммунистов от этой функции. В традиционно коммунистическом сегменте общества наблюдается появление также, как минимум, трех политических ниш: традиционалисты, сильно редуцирующие и все меньше придерживающиеся ценностей советского фундаментализма; мигрирующие от них в направлении политического центра «традиционные консерваторы», лишь по недоразумению продолжающие поддерживать КПРФ, а не «партию власти»; и, наконец, «новые левые», которые вообще не лояльны современными политическими силами и не участвуют в выборах. В чем-то они близки к «Яблоку», в чем-то — ЛДПР лучших времен, для них характерна смесь индивидуализма (безразличие к общественной жизни) с проявлениями этнического национализма. Они слабо адаптированы к современной экономической жизни, ждут помощи от государства, не желая в свою очередь, для него хоть чем-то жертвовать. В определенной степени данный сегмент политического пространства характерен для «младокommunistов», идеология которых нащупывается

Социокультурная трансформация российского общества...

разными движениями, включая «лимоновскую» Национал-большевистскую партию. Утрачивая советскую мифологию, которой привержено только пожилое поколение, коммунистический миф все больше становится похожим на левый национализм со всеми свойственными ему качествами.

Следует отметить, что политическая природа неоконсерватизма в современной России интерпретируется по-разному. «...Сомкнулись значительная часть среднего класса и новые бедные, протестный электорат, причем эта "смычка" произошла на фоне сближения позиций, взглядов и ценностей старшего и молодого поколений. Одним "новым консерваторам" нужны ясные и общие для всех правила игры, уничтожение привилегий олигархов и сросшихся с чиновничеством "более равных", чем другие, предпринимателей. Другим отнюдь не чужды идеи возврата в прекрасное, дорыночное, доприватизационное, если не коммунистическое, то советское прошлое. И только учитывая эту двойственность, возможно прогнозировать перспективы нынешнего "консервативного традиционализма" массового сознания» [Королев 2001, с. 57].

Как старые, так и новые «консерваторы» составляют ядро поддержки В. Путина. Среди каждой из этих групп по 39,8 % доверяют ему безоговорочно. Больше всего недоверяющих — 16,1 % — среди советских традиционалистов. Сознание «традиционных консерваторов» более мифологизировано, чем «новых». Так, в первой группе соотношение в группе поддерживающих В. Путина по причине того, что «за ним правда», и тех, кто «видит в его деятельности для себя конкретную пользу», составляет 28,5 к 23,7 %, а во второй — 24,1 к 27,8 %. Вообще В. Путин как национальный лидер является почти идеальным ответом на запрос со стороны российских «неоконсерваторов». Ярко выраженный прагматик, обладающий весьма незначительной харизмой, скорее менеджер, «немец на хозяйстве», чем народный вождь. С таким «вождем» никак не могут смириться консерваторы, продолжающие искать «героя» на роль национального спасителя. «Наши нынешние власти очень хотели бы тоже выглядеть "сакральными" наподобие "помазанников Божьих". Церковь, конечно, если ей прикажут, помажет кого угодно и чем угодно, но беда в том, что сакральности у власти от этого не прибавится. Новая национальная идеология только тогда сплотит новую русскую нацию, когда выдвинется лидер, который возьмет эту идеологию на вооружение. Без него она — только сказочные доспехи, ждущие своего богатыря» [Иванов 2000, с. 84].

Если с ценностной точки зрения современное российское общество во многом находится под влиянием модерна, то его институциональные черты как в формальной, так и в неформальной сферах зачастую поражают своей архаичностью. Тем не менее, сравнивая социокультурный ландшафт советской и постсоветской эпохи, можно сделать следующее утверждение. Ни родовое, ни репрессивное, ни сакральное начала не определяют ныне характер российской культуры, не составляют оснований легальной, официальной культуры. Они присутствуют скорее как антикультура, как то, что должно культурой преодолеться.

Современное, «путинское» российское общество становится все более гомогенным с точки зрения самых общих представлений о жизни, сведенных в понятие «социокультурный код». «Социологический опрос не выявляет драматических экзистенциальных разломов между отцами и детьми, богатыми и бедными... Речь идет не о полной гомогенности общества, но о высоком уровне

единомыслия, не позволяющем социально-профессиональным когортам превратиться в замкнутые и противопоставленные одна другой субкультуры. В русском массовом сознании, как оказалось, нет никаких существенных препятствий для перехода к постдеспотическому гражданскому обществу, и, напротив, вступление в новую деспотию для страны с так думающим большинством граждан маловероятно» [Зубов 1998, с. 187]. Происходящая на наших глазах в стране «неоконсервативная революция», пожалуй, окончательно хоронит перспективы «консервативной революции» с воссозданием традиционных русских доминантов. Ведь по мнению сторонников «консервативной революции», «мы живем в оккупированной стране... Выживание русского этноса невозможно без смещения оккупационного демроссийского режима — ремократизации. Задачи русского народа и народов, дружественных русским — это задачи национально-освободительной борьбы» [Марочкин 2000, с. 56]. Надежды возлагаются на процессы нового этногенеза: «Фаза подъема для русского этноса в целом еще не началась. Она может и не начаться, если к этому не будут приложены некоторые усилия... Как знать, не ожидает ли нас, в случае успешного выхода из экологического, экономического, социального и гносеологического кризиса, новый всплеск пассионарности, зарождение нового этноса?» [Ермаков 2000, с. 285]. Пока же сформировавшееся в ходе «неоконсервативной революции» «новое большинство», обеспечивающее социокультурную гомогенность, является продуктом окончательного разложения и деградации традиционного общества, и в силу этого обладает рядом доминантных социокультурных характеристик, противоречащих традиционной «русской» ментальности.

Что это сулит России сегодня и в обозримой перспективе? Посттрадиционное общество понятнее, рациональнее, предсказуемее, им легче управлять. Оно менее энергетично за счет размывания «коллективного бессознательного», составляющего фундамент традиционных культур. Посттрадиционное общество не способно хорошо воевать в силу неготовности к большому самопожертвованию. Оно вообще не готово к мобилизационному поведению. Большим вопросом является и способность посттрадиционной России к генерированию великой культуры, основанной все-таки на традиционных пластах народного сознания, пусть и переработанных верхними социальными этажами общества. Однако «пути назад», похоже, уже нет.

Основные выводы

1. Социокультурный раскол общества на консерваторов советского образца и либералов западного образца, характерный для 1990-х гг., в значительной степени преодолевается. Наблюдается расщепление, с одной стороны, ядра советских традиционалистов на несколько различных как по идеологии, так и по стратегии адаптации групп. С другой стороны, в либеральном сегменте общества возникают группы, ориентированные на социальные стратегии, с характерной для них либерально-консервативной системой ценностей. Впрочем, ценностное расслоение общества носит достаточно невыраженный характер, все исследованные группы в значительной степени исповедуют близкие ценности, больше факторов их объединяют, чем разделяют.

Социокультурная трансформация российского общества...

---

2. Эти процессы привели к количественно не столь ярко выраженным, но достаточно глубинным трансформациям в обществе, во взаимоотношениях между обществом и властью. Они могут быть охарактеризованы как «неоконсервативная революция».
3. По своей социокультурной природе неоконсервативная революция связана с завершением процессов распада традиционного общества, индивидуализацией общественного бытия и социальных связей, формированием потребности в новом гражданском объединении общества на новых, нетрадиционных основах. Неоконсервативная революция представляет собой вступление в завершающую фазу социальной модернизации.
4. Выделено «ядро» носителей новой общественной субъектности, выявлены основные характеристики ментальности (ценностей и установок) данной группы. Среди них:
  - высокая степень социальной и трудовой активности;
  - предпочтение достижительных моделей, связанных с интенсивной социализацией;
  - высокая степень оптимизма как личного, так и в отношении страны;
  - позитивный этнический автостереотип;
  - позитивное отношение к религии, в особенности к православию, при одновременной рационализации отношения к окружающему миру (десакрализация православия при признании его ценности как социального института);
  - жесткая система парадных моральных ценностей в отношениях между индивидом и обществом при одновременно либеральном отношении к индивидуальным моральным ценностям.
5. Среди исторических мифов лишь отношение к советскому периоду продолжает существенно раскалывать общество, однако острота раскола снижается ввиду размывания советской мифологии (даже среди традиционалистского сегмента общества).
6. Очевидная «вестернизация» системы ценностей общества, отказ от фундаменталистских взглядов на важнейшие вопросы бытия и морали происходит скорее по американскому, чем европейскому образцу. Можно утверждать об определенной «протестантизации» системы религиозных ценностей той части общества, которая формально идентифицирует себя с православием. Этот процесс мы интерпретируем как кризис монотеистического мировосприятия.
7. Отношение к нынешнему периоду российского общества носит в целом выжидательный характер, однако, оно представляется в большей степени началом новой эпохи, чем завершением предшествующей.
8. Мобилизационная компонента современного общества остается крайне низкой и ограниченной преимущественно сферой локальных интересов. Наблюдается практически «нулевая» мобилизация вокруг тех или иных систем идейно-политических ориентаций (коммунизм, демократия, национализм, православие и т. д.).
9. Постепенная консолидация общества происходит скорее вокруг общегражданских ценностей (общенациональный интерес как корпоративный интерес), чем на национально-этнической основе, практически не выполняющей сегодня группообразующей функции.

Литература

- Архангельский А* Известия. 2001. № 51. 23 марта.
- Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н.* Большевизм — социокультурный феномен // Вопросы философии. 2002. В публикации.
- Бызов Л.* Становление новой политической идентичности в постсоветской России. Эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса / Россия: становление демократических ценностей? М.: Московский центр Карнеги, 1999.
- Бызов Л.* Первые контуры постпереходной эпохи // Социс. 2001. № 4.
- Ермаков С.* Расовые архетипы, этническая психология и окружающая среда / Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М.: «Белые альвы», 2000.
- Зарубина Н.Н.* Хозяйственная культура постсоветской России / Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 9. М.: РНИСиНП, 2001.
- Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М.: «Наука», 1999.
- Зубов А.* Единство и разделения современного русского общества // Знамя. 1998. № И.
- Иванов А.* Бесплотный «русский дух». Смеси и примеси / Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М.: «Белые альвы», 2000.
- Идеологические предпочтения населения России: новые тенденции (по данным исследований ИНДЕМ и РОМИР). М.: Горбачев-фонд, 2000.
- Клямкин И., Кутковец Т.* Русская самобытность. М.: Институт социологического анализа, 2000.
- Кольев А.* Миф масс и магия вождей. М.: Национальный институт развития, 1998.
- Королев С.А.* Долгие проводы советской эпохи / Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 9. М.: РНИСиНП, 2001.
- Костюк К.Н.* Архаика и модернизм в российской культуре, (<http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>).
- Левада Ю.* От мнений к пониманию. М., Московская школа политических исследований, 2000.
- Марочкин С.* Народ, среда, характер / Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М.: «Белые альвы», 2000.
- Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: «Наука», 1994.
- Основы социальной концепции РПЦ. М.: «Даниловский благовестник», 2000.
- Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Полосин В.С.* Миф, религия, государство. М.: «Наука», 1998.
- Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: «Совпадение», 1998.
- Савельев А.* Русские по паспорту и русские по духу / Расовый смысл русской идеи. Вып. 1. М.: «Белые альвы», 2000.
- Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. № 5.

Приложение 1 Список базовых социально-политических установок, на основе которого строилась типология

1. Установка на патернализм

1. Я уверен, что смогу обеспечить себя и свою семью сам и потому не нуждаюсь в поддержке со стороны государства.

2. Без поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно.

2. Установка на авторитаризм

1. Стране необходима «твердая рука», которая наведет порядок, даже если для этого придется ограничить некоторые свободы.

2. Свобода слова, политического выбора, перемещений по стране и за ее пределы — это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах.

3. Установка на западничество

1. России следует поскорее войти в сообщество западных стран.

2. У России свой путь, отличный от стран Запада, в ней никогда не прижмется западный образ жизни.

4. Установка на эгалитаризм

1. Богатства, нажитые несправедливым путем, следует конфисковать, а их владельцев — наказать по всей строгости.

2. Не следует допускать нового передела собственности, пусть богатые люди останутся богатыми и впредь.

5. Установка на индивидуализм

1. Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов государства и общества.

2. Личные интересы — это главное для человека, их нельзя ограничивать даже ради блага общества.

6. Установка на свободу

1. Свобода жить так, как я хочу — это очень важно, я бы не хотел, чтобы кто-либо вмешивался в мою частную жизнь.

2. Государство должно контролировать жизнь своих граждан, так как чрезмерная свобода идет во вред.

7. Установка на перемены

1. Мне нравятся перемены, нравится жить в постоянно обновляющемся мире.

2. Все перемены обычно происходят к худшему, пусть лучше жизнь остается такой же, как и прежде.

8. Установка на русскость

1. В России должно быть государство, которое выражало бы, в первую очередь, интересы русских.

2. В России должно быть государство, в котором все народы, проживающие на его территории, имели бы равные права и возможности.

9. Установка на регенерацию СССР

1. России следует стремиться к тому, чтобы вернуть себе все или почти все территории, ранее входившие в состав СССР.

2. России следует развиваться в ее нынешних границах.

10. Установка на федерализм

1. Крупные регионы должны стремиться проводить политику, по возможности независимую от федерального центра.

2. Следует усиливать контроль федерального центра над всеми регионами России.

11. Установка на мобилизацию

1. Если к власти придут лидеры, которые призовут во имя будущего страны меня к каким-либо жертвам — я готов их поддержать.

2. Я бы не хотел чем-то жертвовать даже ради спасения страны.

12. Установка на локальность

1. Для меня, в основном, важно мое собственное благополучие и благополучие моей семьи, а все остальное — второстепенно.

2. Жить стоит только ради какой-то большой общей цели, которая бы всех нас объединила.

13. Установка на религиозность

1. Следует строить общество на основе веры в Бога и религиозной морали.

2. В современном обществе религия не должна занимать значительного места.

14. Установка на конформизм

1. Я стремлюсь жить так, как принято в окружающем меня обществе, не следует чрезмерно выделяться.

2. Я стремлюсь жить так, как это устраивает меня самого, мне не так важно, что обо мне будут думать другие.

15. Установка на успех

1. Важно стремиться к успеху, даже если для этого придется поступиться какими-то моральными нормами и человеческими отношениями.

2. Я лучше не добьюсь успеха, но останусь порядочным человеком.

16. Установка на традиционную семью

1. Семью лучше строить на традиционных принципах: главой семьи должен быть мужчина, а женщина — вести домашнее хозяйство и воспитывать детей.

2. Современная женщина должна иметь равноправие в семье и активную жизнь за пределами семьи.

17. Установка на старину

1. Мне нравится, когда сохраняется старинный облик наших городов и сел.

2. Мне больше нравятся современные города и поселки.

18. Установка на оптимизм

1. Я смотрю в будущее с оптимизмом, и считаю, что жизнь будет улучшаться.

2. Я считаю, что нас ждут трудные времена, и смотрю в будущее со страхом и неуверенностью.

Социокультурная трансформация российского общества...

Приложение 2 Базовые ценности основных

ценностных типов

Анархисты		Традиционные консерваторы		Либералы		Традиционалисты		Неоконсерваторы	
Любовь	9,3	Труд	11,	Любовь	9,9	Покой	8	Доверие	8,5
Независимость	6,3	Родина	8,9	Независимость	9,8	Мир	6,7	Порядочность	7,8
Достаток	5	Уважение к родителям	8,6	Образование	9,1	Внимание к людям	6,5	Вера	7,4
Свобода	4	Милосердие	4,9	Профессионализм	7	Вера	4,2	Милосердие	7,2
Удовольствие	3,3	Внимание к людям	4,7	Свобода	6,2	Родина	3,9	Внимание к людям	6,9
Безопасность	3,2	Здоровье	2,7	Успех	5,7	Власть	2,8	Профессионализм	4,9
Семья	3,2	Надежда	2,5	Дружба	5	Надежда	2,2	Справедливость	4,9
Смысл жизни	3	Вера	2,1	Безопасность	4,7	Справедливость	2,1	Долг	3,5
Стабильность	3	Согласие	1,9	Творчество	4,5	Милосердие	1,5	Дружба	3,2
Успех	2,7	Долг	1,6	Семья	4,2	Законность	1,3	Мир	3,1
Природа	1,8	Власть	1,1	Смысл жизни	2,3	Уважение к родителям	1,2	Равенство	2,8
Здоровье	1,4	Порядочность	1	Стабильность	2,3	Труд	1,1	Образование	2,6
Известность	1,2	Равенство	0,7	Природа	2,1	Могущество	0,4	Убеждения	2,6
Развитие	1,2	Покой	0,6	Достаток	2	Равенство	-0,2	Родина	2,1
Могущество	0,7	Семья	0,2	Доверие	1,8	Сотрудничество	-0,2	Творчество	2,1
Сотрудничество	0,7	Мир	0,1	Здоровье	1,3	Долг	-0,4	Законность	2
Профессионализм	0	Известность	0	Порядочность	1,3	Согласие	-0,5	Согласие	1,8
Законность	-	Образование	-0,2	Удовольствие	1,2	Порядочность	-0,6	Развитие	1,2
Убеждения	-	Доверие	-0,3	Развитие	0,6	Убеждения	-0,9	Природа	1,1
Доверие	-	Убеждения	-0,4	Убеждения	0,6	Дружба	-1,2	Могущество	0,9
Согласие	-	Развитие	-0,5	Равенство	0,5	Известность	-1,2	Свобода	0,8
Дружба	-	Сотрудничество	-0,6	Известность	0,2	Природа	-1,6	Семья	0,4
Творчество	-	Справедливость	-0,6	Сотрудничество	0	Развитие	-1,6	Известность	0
Власть	-	Могущество	-0,7	Долг	-0,1	Удовольствие	-1,7	Труд	0
Образование	-	Смысл жизни	-1	Законность	-0,7	Стабильность	-2,2	Сотрудничество	-0,2
Надежда	-	Творчество	-1,7	Могущество	-0,7	Достаток	-2,4	Успех	-0,4
Долг	-2	Законность	-1,8	Справедливость	-0,9	Здоровье	-2,4	Смысл жизни	-0,7
Равенство	-2	Профессионализм	-1,9	Согласие	-1,1	Безопасность	-2,9	Безопасность	-1
Покой	-	Стабильность	-2,2	Власть	-1,4	Творчество	-2,9	Удовольствие	-1,2
Мир	-	Удовольствие	-2,4	Уважение к родителям	-1,5	Смысл жизни	-3,9	Независимость	-1,4
Милосердие	-	Природа	-3,3	Надежда	-2	Успех	-3,9	Надежда	-1,6
Вера	-4	Достаток	-3,6	Милосердие	-4,9	Доверие	-4	Стабильность	-3,2
Порядочность	-	Свобода	-4,8	Вера	-5,4	Свобода	-6	Достаток	-3,7
Труд	-	Дружба	-5	Труд	-5,6	Семья	-6,7	Уважение к родителям	-3,7
Уважение к родителям	-	Успех	-5,1	Покой	-6	Профессионализм	-6,9	Власть	-3,9
Родина	-	Любовь	-5,3	Мир	-6,1	Образование	-7,6	Покой	-4,1
Справедливость	-	Безопасность	-5,4	Родина	-7	Независимость	-7,7	Любовь	-4,4
Внимание к людям	-	Независимость	-9	Внимание к людям	-7,3	Любовь	-	Здоровье	-5,9
	6,4						11,6		

Приложение 3. Отношение ценностных групп к

соответствующим явлениям

	Анархисты	Традиционные консерваторы	Либералы	Традиционалисты	Неоконсерваторы	Всего
Дача взятки	1,56	1,22	1,49	1,24	1,38	1,38
Получение взятки	1,49	1,15	1,39	1,19	1,33	1,31

	Анархисты	Традиционные консерваторы	Либералы	Традиционалисты	Неоконсерваторы	Всего
Проезд в транспорте "зайцем"	1,96	1,64	1,99	1,72	1,77	1,83
Уклонение от уплаты налогов	1,62	1,21	1,49	1,27	1,23	1,39
Употребление наркотиков	1,05	1,00	1,06	1,04	1,05	1,04
Пьянство	1,31	1,15	1,24	1,20	1,23	1,23
Курение	1,92	1,73	1,92	1,73	1,79	1,82
Супружеская измена	1,60	1,36	1,65	1,39	1,39	1,49
Сопротивление милиции	1,73	1,45	1,74	1,57	1,57	1,62
Развод	1,94	1,77	2,16	1,84	1,87	1,93
Аборт	1,80	1,67	1,93	1,81	1,70	1,80
Гомосексуализм	1,30	1,10	1,60	1,14	1,26	1,29
Проституция	1,47	1,21	1,50	1,15	1,31	1,33
Самоубийство	1,14	1,12	1,16	1,13	1,14	1,14
Воровство, мошенничество	1,16	1,06	1,14	1,09	1,08	1,11
Эмиграция из России в другие более благополучные страны	2,38	2,12	2,52	2,14	2,38	2,30
Отказ от больных, неблагополучных детей, старых родителей	1,09	1,08	1,08	1,07	1,11	1,08
Получение неофициальных трудовых доходов (зарплата "в конверте")	2,10	1,55	2,08	1,62	1,79	1,84
Публичное проявление неприязни к представителям иных национальностей	1,44	1,22	1,19	1,35	1,25	1,30
Уклонение от службы в армии	1,80	1,40	1,83	1,49	1,52	1,63
Добрые сексуальные связи	2,47	1,93	2,59	2,00	2,18	2,26
Измена Родине	1,10	1,01	1,11	1,03	1,03	1,06
Нарушение законов	1,54	1,24	1,51	1,24	1,32	1,38
Демонстрация по ТВ передач с интимными, сексуальными сюжетами	2,04	1,43	2,15	1,48	1,77	1,78

Приложение 4. Определение ценностными группами

«своего-чужого»

Типы	Традиционалисты	Либералы	Анархисты	Традиционные консерваторы	Неоконсерваторы	В среднем
Американец	3,56	3,23	3,45	3,35	3,26	3,36
Европеец	3,21	2,67	2,92	2,88	2,46	2,82
Москвич	2,02	2,35	2,16	1,84	2,09	2,15
Интеллигент	1,87	1,89	2,01	1,56	1,6	1,85
Рабочий	1,13	1,43	1,21	1,18	1,15	1,26
Чеченец	3,40	3,35	3,44	3,35	3,08	3,35
Предприниматель	2,83	1,98	2,49	2,54	2,09	2,33
"Новый"	3,28	2,63	3,07	3,04	2,57	2,89
Советский	1,19	1,76	1,47	1,30	1,35	1,48
Еврей	2,56	2,51	2,72	2,48	2,22	2,53
Верующий	1,41	1,64	1,56	1,42	1,44	1,53
Политик	2,41	2,72	2,78	2,17	2,37	2,57
Министр	2,49	2,82	2,99	2,46	2,49	2,72
Депутат	2,52	2,77	2,87	2,26	2,53	2,65
Серб	2,91	2,86	3,04	2,71	2,64	2,87
Гомосексуалист	3,87	3,71	3,87	3,81	3,69	3,79
Фашист	3,93	3,84	3,93	3,94	3,83	3,89
Атеист	2,94	2,52	2,70	2,62	2,52	2,65
Русский патриот	1,21	1,69	1,49	1,30	1,28	1,46
Неф	3,06	3,08	3,34	3,06	2,86	3,12
Китаец	3,06	3,10	3,33	3,06	2,87	3,12
Мусульманин	3,20	2,98	3,23	3,04	2,80	3,07